

Юй Чансин впервые видел Чжэн Шаньцы воочию. Оглядев юношу, он удовлетворенно кивнул: тот выглядел в точности как на семейных портретах. Однако столь ранний час вызвал у него недоумение. Шаньцы в столице ничем не был обременен, так почему же он на ногах в такую рань?

— Почему ты вышел из дома в этот час? — поинтересовался он.

Тот еще не знал, кто перед ним стоит, и лишь недоуменно моргнул, не понимая, откуда незнакомцу известно его имя.

Юй Чансин коротко усмехнулся:

— Я старший брат Юй Ланьи. Юй Чансин.

Услышав это, Чжэн Шаньцы тут же сложил руки в почтительном поклоне:

— Приветствую вас, чиновник Юй.

— Оставь церемонии. Так чем же ты занят в этот час? — Тон командира Юя был на диво дружелюбным.

— Прошлую ночь я провел беспокойно, мучили дурные сны, — ответил Шаньцы. — Вот и решил встать пораньше, чтобы успеть помочь в «Павильоне Золотых Одежд».

Юй Чансин кивнул и, натянув поводья, не стал более задерживать собеседника. Накануне госпожа Чжан заходила к ним и упомянула, что молодой человек подрабатывает в лавке, о чем фулан Юй и сообщил за ужином.

Лицо маркиза Чаняна тогда осталось бесстрастным, он не проронил ни слова. Фулан Юй тоже сделал вид, что ему всё равно, и лишь Ланьи тогда до побелевших костяшек сжал палочки для еды. Чансин же, напротив, проникся к будущему зятю симпатией.

Из-за скандала с Юй Ланьи сослуживцы не раз допрашивали его расспросами: кто-то подшучивал, кто-то язвил, а кто-то просто любопытствовал. Юй Чансин понимал, что это неизбежно, но Чжэн Шаньцы, получивший назначение в Синьфэн и при этом не возгордившийся, а готовый гнуть спину простым помощником, внушал уважение. Это было куда достойнее, чем поведение иных выскочек или праздных столичных повес.

— Мне пора на службу, — бросил он и пустил коня вскачь.

Высокий, статный и невероятно красивый, наследник знатного рода был пределом мечтаний для многих столичных девиц и гэ'эров. Шаньцы помнил, что в оригинальном романе Чансин так и не женился до самого конца. И именно он приложил руку к гибели Чжэн Шаньцы — фактически он сам оборвал его карьеру, сначала позволив тому вознестись на вершину, а затем, когда Шаньцы уже праздновал успех, низвергнув его в самую бездну.

Вернувшись в «Павильоне Золотых Одежд», юноша вновь принялся за работу. Дела были нехитрые, но требовали красноречия: нужно было встречать гостей и кратко представлять им товар.

Лавочник не мог нарадоваться на своего помощника:

— Молодой господин Чжэн, у вас это получается всё лучше и лучше.

А затем, решив польстить, добавил:

— Впрочем, мне уже следует величать вас чиновником Чжэном.

В Шэнцзине было полно сановников, и начальник уезда — всего лишь мелкий чин седьмого ранга. Шаньцы с улыбкой принял это замечание, не желая ставить лавочника в неловкое положение. Каждый день, когда его отпускали со службы, он сначала шел домой готовить еду, а затем брал удочку и отправлялся к реке. Свежая рыба позволяла разнообразить его стол: что-то шло на обед, а излишки можно было продать.

Речная рыба пользовалась спросом, и за нее давали хорошую цену.

Как-то раз один молодой человек решил перекупить у него улов.

— Двадцать два вэня, — коротко бросил Шаньцы.

Этот юноша был большим любителем рыбы. Его кухарка однажды случайно купила у Шаньцы речного карпа, и с тех пор молодой господин только о нем и грезил.

— Какая свежая! — воскликнул он. — Как раз сегодня пригласил друзей на ужин, зажарим ее. Забираю всё, что есть.

Редко когда попадались столь щедрые покупатели, и Шаньцы без колебаний отдал ему все трофеи.

— Вот тебе три ляна серебра, сдачи не надо, — молодой господин велел слуге бросить монеты.

— Благодарю, ваша рыба! — голос Шаньцы невольно дрогнул от радости.

Юноша величественно кивнул, мельком взглянув на рыбака. Он вдруг осознал, что у того лицо, которое невозможно забыть. Разве бывают такие рыбаки?

Шаньцы, сославшись на дела, поспешил откланяться.

Молодой господин быстро выкинул эту встречу из головы, пока вечером, поедая ароматную жареную рыбу в компании друзей, вдруг не хлопнул себя по лбу. Он вспомнил, где видел это лицо.

На праздновании юбилея почтенной госпожи Пэй он видел его рядом с Юй Ланьи.

«Неужто зятю поместья хоу Чанян живется так худо, что приходится зарабатывать на жизнь удочкой?»

Учитывая нрав Юй Ланьи, если бы не его высокое происхождение, никто из благородных семей и помыслить бы не смел о таком союзе. Никто не любил его искренне — всех интересовали лишь власть и связи его семьи.

В их глазах гэ'эр должен был быть тихим, покорным, нежным и добродетельным, во всём угождать свекрам. Ланьи же не обладал ни одной из этих черт.

Теперь, когда свадьба была делом решенным, многие знатные женихи вздохнули с облегчением: угроза миновала.

В это время Юй Ланьи ворочался в постели, не в силах сомкнуть глаз. Сегодня Юй Чансин вернулся и упомянул, что встретил Чжэн Шаньцы — тот ни свет ни заря бежал на работу в лавку.

И сколько же может заработать простой помощник?

Ланьи плохо представлял цену деньгам, но понимал, что это сущие крохи. Мысль о том, в какой нужде живет Шаньцы, больше не вызвала у него безразличности. Он смотрел на свой полог, расшитый золотыми нитями — одна эта ткань стоила целое состояние.

Ему представилось, как Шаньцы в застиранной одежде гнет спину перед чужими людьми, подобострастно кланяется им и в холод и ветер жадно жуёт дешёвый баоцзы. А следом в памяти всплыла та дождливая прогулка: соломенная шляпа, которую тот надел ему на голову, и широкая, крепкая спина, сквозь одежду которой угадывался рельеф мышц.

Сон окончательно пропал.

Цзинь Юнь дежурил в соседней комнате. Ланьи, стараясь не шуметь, выбрался из постели и вытащил из-под кровати заветную шкатулку — там хранились деньги от продажи украшений.

По его приказу Цзинь Юнь обменивал всё на серебряные билеты, но в шкатулке оставалась и горсть мелких монет.

Ланьи замер, его лицо исказила гримаса сомнения. Тонкие пальцы быстро выхватили два кусочка серебра. Он боялся, что его заметят, боялся собственного порыва.

В темноте он задвинул шкатулку обратно. Вернувшись в постель, он до боли сжал в кулаке свою добычу. Сердце бешено колотилось. Сумма была ничтожной, но он чувствовал себя вором, совершающим нечто запретное. Он долго ворочался, прежде чем спрятать серебро под подушку. Лишь к середине ночи он забылся тревожным сном.

Две недели пролетели незаметно. Чжэн Шаньцы получил свои два ляна честно заработанных денег. На них он купил себе новую одежду, а остальное, за вычетом трат на жизнь и продукты, припрятал.

Выдавшуюся свободную минуту он решил провести в покое и вынес кресло во дворик.

Вдруг через стену перелетел камень. Шаньцы увернулся от первого, но второй попал прямо в цель — кусочек серебра больно ударил его в лоб.

Ойкнув, юноша потер ушибленное место и опустил взгляд на землю.

Юй Ланьи не хотел, чтобы кто-то прознал о его подарке. Бросив серебро, он уже собирался поскорее покинуть переулок, как вдруг ворота распахнулись.

Шаньцы стоял на пороге с монетами в руках. На его лбу алело красное пятно. Он поднял глаза на Ланьи.

Тот не ожидал, что Шаньцы окажется таким шустрым, и не успел скрыться. Они столкнулись нос к носу.

Шаньцы, сжимая в ладони неопровержимые улики, неспешно подошел к нему.

Ланьи невольно оробел — особенно когда увидел след на лбу будущего мужа. Совесть кольнула

его. Чжэн Шаньцы остановился в трех шагах — на вежливом расстоянии.

— Твоих рук дело? — спросил он.

Ланьши вызывающе вскинул подбородок:

— Ну и что с того? Нельзя?

Шаньцы раскрыл ладонь. Два кусочка серебра тускло блеснули на солнце.

Ланьши вспыхнул и уже хотел было отвести взгляд, как вдруг услышал голос собеседника — мягкий и глубокий, точно старое вино.

— Забери.

Ланьши опешил, не веря своим ушам:

— Это тебе. С какой стати я должен забирать? Иди и трать на что хочешь.

Шаньцы покачал головой, пропуская его слова мимо ушей:

— Оставь себе. На свои нужды.

В конце концов, он и так задолжал «Павильону Золотых Одежд» целых сто лянов.

Юй Ланьши лишился дара речи.

Впервые в жизни он давал кому-то деньги — обычно всё было наоборот. И впервые в жизни ему отказали. Ланьши в гневе сжал кулаки, а Шаньцы, заметив это, почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Ты... почему не берешь?

— У меня есть деньги, — мягко пояснил он. — Мы еще не женаты, и брать у тебя серебро мне не пристало. Трать на себя. Но за заботу — спасибо.

«Надо же, какой вежливый», — подумал Ланьши, с любопытством разглядывая жениха.

До свадьбы оставалось всего пять дней, но между ними не было ни капли той нежности или

радости, что обычно предшествуют торжеству. Один не хотел быть должным, другой гадал, как еще потратить свои сбережения.

Проводив Ланьи, Шаньцы с облегчением вздохнул. С этим красавцем было ох как непросто. Недавно он нашел в сундуке прежнего владельца книги по истории династии Янь и среди прочего отыскал обрывки сведений об уезде Синьфэн.

В этих записях хранилась история края, его география, обычаи и нравы. В каждом уезде должна была быть такая книга — уездная летопись, в которую заносились все важные события и имена правителей. А для уезда самым важным событием всегда был приход нового начальника уезда.

Шаньцы решил: как только прибудет на место, первым же делом изучит летописи Синьфэна.

Вернувшись домой, Юй Ланьи столкнулся в дверях с Юй Шиянем. На губах Ланьи заиграла понимающая усмешка:

— Снова уходишь?

— А разве второй брат только что не вернулся? — парировал Шиянь.

Ланьи вспомнил, что бегал на встречу с Чжэн Шаньцы, и на миг смутился.

— У меня были дела государственной важности.

— У меня тоже, — бросил Юй Шиянь и, не желая продолжать разговор, поспешил прочь.

Он шел на встречу с Е Юньчу. Вчера, когда они виделись, тот внезапно предложил ему руку и сердце. Шиянь так испугался, что сбежал домой, не помня себя. Сегодня же, осознав свою грубость, он решил найти наследника Е и принести извинения.

Е Юньчу ждал его в беседке. Шиянь, кусая губы, подошел ближе:

— Наследник Е, забудьте то, что сказали вчера. И я забуду. Так будет лучше для нас обоих. Вы — феникс на вершине дерева, а я — лишь обычный человек. Я не стою вашей любви.